

рукописей в это время вообще не существовало: они могли просто не сохраниться. Как ни бедны наши рукописные материалы XVI в., они все-таки значительно богаче рукописных материалов XV в.; отсутствие в рукописной традиции XVI в. ряда беллетристических памятников, сохранившихся в рукописях XV в. (не говоря уже о более поздних рукописях), едва ли можно поэтому считать случайным. Случайным скорее следует считать то обстоятельство, что до нас дошли, хотя и в единичных экземплярах, списки XV в. подобных памятников, благодаря чему мы и знаем, что они существовали на Руси уже задолго до XVII в. Можно предположить поэтому, что многие произведения, известные по спискам XVII столетия и более позднего времени, в действительности появились на Руси раньше, но «исчезли» из рукописной традиции так же, как сербская «Александрия», «Повесть о Дракуле» и другие памятники XV в. Такой, например, могла быть судьба «Повести о Басарге». Мы уже указывали, что, судя по историческим реалиям, сложение этой повести на русской почве следует датировать XV в. Но все довольно многочисленные списки «Повести о Басарге», известные исследователям, не старше XVII в.¹¹³ Еще в XII—XIII вв. на Руси появился перевод греческого героического эпоса о Дигенисе Акрите («Девгениево деяние»); светская повесть о Девгении была хорошо известна в конце XV—начале XVI в., ибо отразилась в рассказе о падении Пскова в 1510 г., но сохранилась она лишь в рукописях конца XVII и XVIII в.¹¹⁴

Рукописная традиция памятников древнерусской светской литературы, ее распределение по векам требуют еще дополнительного исследования.¹¹⁵ Но одно несомненно: если у западных славян беллетристические памятники позднего средневековья сыграли в XVI в. большую роль в дальнейшем развитии литературы, то в России того же времени эти памятники не получили дальнейшего развития. В одном случае это обстоятельство уже обратило на себя внимание исследователей. Сравнивая русские легенды о Соломоне и Китоврасе и западные о Соломоне и Морольфе (Мархольте), А. Н. Веселовский писал: «Ничто так не характеризует сравнительную производительность той или другой литературной среды, как то развитие, которое получают в нем одни и те же ходячие мотивы. Легенда о Китоврасе, несмотря на свою распространенность... осталась неподвижной... У западного Морольфа есть целая продуктивная история».¹¹⁶ Материал по «Соломону и Китоврасу», которым располагал А. Н. Веселовский, был неполон и взят без сопоставления с другими беллетристическими памятниками древней Руси, поэтому и вывод исследователя о «сравнительной производительности» русской и западной литературной среды нуждается в серьезных коррективах. Мы видели, что в XV в. сюжет о Китоврасе получил уже достаточное развитие на Руси: он был

¹¹³ Ср.: Библиография, стр. 212—215; Назаревский, стр. 48—49. Мы имели возможность также ознакомиться с обзором списков «Повести о Басарге» в неопубликованной монографии М. О. Скрипила об этом памятнике.

¹¹⁴ Ср.: Библиография, стр. 75; Назаревский, стр. 93. «Девгениево деяние» читалось и в мусин-пушкинской рукописи, содержавшей «Слово о полку Игореве» (см прим. 103). О влиянии «Девгениева деяния» на псковскую литературу см статью В. П. Адриановой-Перетц в «Истории русской литературы» (т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 403).

¹¹⁵ В своей рецензии на нашу книгу (где приводилось четыре примера памятников, сохранившихся в традиции XV в., но не известных в рукописях XVI в.) В. П. Адрианова-Перетц отметила, что «интересно было бы шире провести наблюдение над распределением списков произведений светской литературы в XV—XVII вв.» (ИЮЛЯ, т. XX, вып. 3. М., 1961, стр. 24). В настоящей работе нами указано еще несколько памятников с аналогичным распределением рукописной традиции; несомненно, что наблюдения такого рода можно еще продолжить.

¹¹⁶ А. Н. Веселовский. Собрание сочинений, т. VIII, вып. 1, стр. 279.